

сти – все им позволялось. Спали они вместе и оказалось, что слишком долго. Надо бы отцам и матерям обратить на это внимание и умудриться настоящим примером. Век наш, как я уже сказал, и без того слишком испорчен. Дети, едва отнятые от кормилицы, имеют больше лукавства, чем невинные двенадцатилетние подростки доброго старого времени. Твердо убежден, что все зло пошло от этой не в меру долгой близости, затянувшейся до тех пор, пока Доралисе не минуло десяти-одиннадцати, а Лизарану – девяти-десяти лет, и не был он отправлен учиться в коллеж. Так им была горька разлука, что оба пролили бездну слез. С той и другой стороны только и слышно было, что плач и непрерывные вздохи, отцом и матерью относимые на счет одной братской привязанности. Но бесстыдная и омерзительная любовь уже и тогда, несомненно, там замешалась. Очень уж на это похоже, в чем мы сейчас, из настоящей истории убедимся. Лизаран, отправленный в коллеж одного из лучших городов области, в малое время проявил такие способности, что обогнал всех своих товарищей. По прошествии четырех учебных лет захотел отец его повидать. Он вызывает сына к себе и очень доехал, найдя его таким красивым, ученым и уже взрослым. Но это было ничто по сравнению с радостью сестры. Она не переставала обнимать и целовать брата. Но тон свободы, какую им предоставляли в детстве, у них все-таки не было. К тому же сдерживал их стыд и отвратительность греха, которую они представляли себе. Тем не менее ни тот, ни другой не могли укротить проклятой страсти своей настолько, чтобы она не вырывалась иногда из поводов рассудка.

Тем временем отец вернул в коллеж Лизарана для окончания науки, имея в виду доставить ему приход. Было у него еще несколько сыновей и очень хотелось пристроить этого, самого младшего, к какому-нибудь хорошему церковному месту и тем облегчить собственное положение. Он это и сделал, в то время как красота и обращение Доралисы побудили нескольких почтенных и родовитых дворян предложить себя в ее распоряжение. Искало ее руки многое множество кавалеров, имевших большие достоинства и по возрасту девице подходящих. Тем не менее отец, предпочитая средства всем прочим доводам, дал согласие одному дворянину, соседу своему, очень богатому, но уже в годах. Ах, проклятая скупость, сколько от тебя бед на свете сем! Назвавший тебя корнем всех пороков хорошо знал, что ты и что из тебя истекает.

Наша история наименует господина этого Тимандром. Лучше бы ему было провести остаток дней своих, не вступая в союз с красавицей, слишком для него молодой и на обращение его отвечавшей тысячей всяческих обид. При взаимном согласии сторон добрая воля взаимно может смягчить несоответствие возраста.

В конце концов Доралиса, сколько она ни плакала и сколько слез ни пролила, принуждена была подчиниться воле отца своего. Брак решен, и Лизаран вызван из школы для присутствия на свадьбе. Сестра, как только увидела его и получила возможность с ним разговаривать так, чтобы никто другой не слышал, сказала такие жалостные слова:

– Дорогой брат мой, сколь я несчастна! И надо же мне проводить цвет жизни своей с человеком, который мне самой смерти ненавистней! Не жесток ли отец мой, отдавая меня в руки такого человека? Губить ли мне отныне дни мои существованием, столь несогласным ни возрасту, ни склонности моей? К чему богатство, когда согласия нет? Посоветуйте мне, прошу, в столь великой беде. Я почти до такой крайности доведена, что на себя руки наложить готова.

Выслушав ее жалобы, Лизаран отвечал следующим образом:

– Дорогая сестра, сожалею о несчастье вашем. Ваша боль, что моя собственная. Не имею возможности не осудить жестокость отца, выдающего вас насильно и за человека иного, чем вы, возраста. Тем не менее, ввиду неограниченности отеческой власти, советую вам терпение. Фортуна, быть может, готовит вам что-нибудь лучшее. Будьте уверены, во всяком случае, что как только вас обвенчают с Тимандром, из виду я вас не выпущу. Ваш дом сделаю местом обычного моего пребывания. Мне почти совершенно невозможно жить, не видя вас.

По окончании этой речи они обнялись и крепко поцеловались, а не удержи их стыд и опасение быть увиденными, тут же бы и исполнили они отвратительные свои желания. Доралиса, утешенная обещанием Лизарана, которого она любила не только братской, но и страстной любовью, стала спокойно относиться к браку со стариком, которому отныне предстояло служить прикрытием чудовищным ее наслаждениям.

Итак, она обвенчана, и Тимандр срывает плод, ему столь желанный. По окончании праздника он уводит жену в свой дом, которым был замок поблизости от замка его тестя. Лизаран, к тому времени бывший даже слишком ученым, в школу не вернулся. Он пользовался хорошей бенефи-